

МАША МАЛИНОВСКАЯ

СНАЧАЛА ПОВЗРОСЛЕЙ

Маша Малиновская

Сначала повзрослей

«Автор»

2023

Малиновская М.

Сначала повзрослей / М. Малиновская — «Автор», 2023

– Лучше тебе пойти спать, девочка, – басит он, оборачивая бёдра полотенцем и хмуро глядя на меня. – Я... да, конечно, – делаю шаг назад, смотрю на него, не отрываясь, – я просто... – Иди, – давит голосом и взглядом, и я подчиняюсь. Забегаю к себе в комнату и прислоняюсь к двери, стараясь выровнять дыхание и прогнать стоящую перед глазами невероятную картину капель воды, стекающих по его широкой груди. Мне 18, у меня учеба, первая любовь и все впереди. Он – вдвое старше, за плечами неудачный брак, опасная работа и темное прошлое. Он вытащил из беды, когда мой парень и его дружки хотели надо мной поглумиться. Оказался единственным, кто может дать защиту. Но как теперь защитить своё сердце, если я для него – лишь маленькая неприятность, проблема? Если я для него слишком маленькая? В книге присутствует нецензурная брань!

© Малиновская М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1.	5
2.	9
3.	11
4.	13
5.	15
6.	17
7.	19
8.	22
9.	25
10.	28
11.	31
12.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маша Малиновская

Сначала повзрослей

1.

Евгения

– Малыш, давай ещё – вот так, – Руслан подмигивает и чуть отходит с телефоном, направляя камеру на меня.

Я приваливаюсь к дверному косяку и чуть прогибаюсь в спине, пока он фоткает раз, а потом ещё раз. Мне нравится, как Руслан на меня смотрит, когда я так делаю и мягко улыбаюсь. Нравится, как искрит его взгляд, когда смотрю ему в глаза.

Но вдруг замечаю, что чуть дальше стоит ещё один парень – Данил. Это друг и одногруппник Руслана. Он смотрит неотрывно. Поведённый от алкоголя, его взгляд буквально липнет, проходясь по моему телу.

Я выпрямляюсь и стараюсь незаметно одёрнуть кофту, что чуть задралась и оголила полоску обнажённой кожи над джинсами. Чувствую себя немного неуютно, хочется подойти к Руслану и прижаться к нему, но я останавливаю себя, потому что как раз Данил и подходит к Русу, что-то шепчет ему на ухо, и они оба хихикают.

– Пойдём к столу, детка, – Руслан протягивает мне руку.

Мы сплетаем пальцы и идём в гостиную. Тут накрыт стол, играет музыка, громкий, раскатистый мужской смех едва ли не сотрясает стены.

Руслан привёз меня на дачу одного из своих друзей на вечеринку. Сказал, что девчонки тоже скоро приедут, и мне одной среди парней скучно не будет.

Но мне и не скучно, если честно. Они веселятся, рассказывают смешные истории про университет, преподавателей, про свои недавние тусовки.

Руслан – мой парень. Мы познакомились в клубе три недели назад. Он и его друг Матвей, которого все называют Рокс почему-то, угостили меня и Таню, мою соседку по комнате, коктейлями, потом мы танцевали, и парни вызвались провести нас до общежития.

На следующий день Руслан позвонил и предложил прогуляться днём в парке.

И вот с тех пор мы и встречаемся. Он классный. Внимательный очень, заботливый.

Руслан и его друзья учатся в Политехническом университете на третьем курсе, и сегодня собрались, чтобы отметить первый закрытый модуль.

Я присаживаюсь за стол, а Никита, один из приятелей Руслана, подвигает мне стакан.

– Я не буду, спасибо, – напоминаю ему уже в третий раз, что не пью алкоголь.

– Да ладно тебе, малыш, – подмигивает Руслан, падая на соседний стул и разваливаясь. – Тут три капли джина в соке. Просто немного расслабишься. Тебе что, перед родителями отчитываться, что ли?

Он приобнимает меня и легонько пробегается пальцами по коже плеча. Его прикосновения очень волнительны. Мы пока только целовались, на большее я ещё, конечно, не готова. Но не могу сказать, что мысли об этом не заполняют мою голову, особенно когда Руслан вот так касается меня или что-то ласково шепчет на ухо между поцелуями.

Беру стакан в руку и подношу к губам. Немного нервничаю. Я алкоголь пробовала только один раз, это было пиво, но мне не особенно понравилось. В клубе же тогда коктейль был безалкогольный.

А этот напиток сладкий, апельсиновый, но с небольшой горчинкой. Приятный.

Я делаю сначала маленький глоток, прислушиваюсь к ощущениям, как по горлу стекает лёгкая горечь, потом смелею и делаю ещё один – побольше.

В желудке теплеет, а голова уже через пару минут становится какой-то лёгкой.

Парни что-то громко обсуждают, иногда поглядывая на нас с Русланом, который меня время от времени то в щёку поцелует, то приобнимет.

– А девчонки когда приедут? – спрашиваю, понимая, что теряю уже нить разговора парней.

– Дань, девчонки когда приедут? – спрашивает Руслан громко, и парни, замолчав, смотрят на него. Точнее на нас. – Женёк заскучала.

– Опаздывают что-то, – отвечает Данил, как-то странно улыбнувшись. – А Жене мы обязаны не дать заскучать.

Парни все пятеро негромко смеются, а у меня щёки вспыхивают. Голова немного кружится – мой стакан уже наполовину пуст. Надо бы выйти на воздух.

– Я на пару минут, – шепчу Руслану и выбираюсь из-за стола.

Выхожу в сад, вдыхаю воздух полной грудью. Осень стоит золотая, тихо, тепло ещё относительно, но это днём. А сейчас уже вечерееет, лёгкий ветерок будоражит, заставляя мурашки побежать по плечам, хотя я и накинула курточку.

В голове от осенней свежести немного проясняется. Надо бы уточнить у Руслана, как долго мы ещё планируем быть тут на даче. Завтра суббота, но мне всё равно нужно к десяти в колледж съездить.

Запахнув куртку плотнее, я возвращаюсь по аллейке, посыпанной щебнем, к коттеджу. Но вдруг, подойдя к крыльцу сбоку, слышу разговор Руслана с Данилом.

– Русь, ну что там? Парни уже разогреты. Или ты передумал?

– Нет, конечно, Дань, я уже сам задолбался её окучивать. Она почти готова.

– Думаешь, поведётся?

– А у неё есть выбор? – Руслан неприятно смеётся, а у меня противные мурашки ползут по спине, потому что начинает доходить, о чём он говорит. – Ты же коктейль ей правильный сделал?

– Ну естественно.

К горлу подкатывает тошнотворный комок. Сердце от страха начинает бешено колотиться о рёбра, а на висках выступает ледяной пот.

Сложно поверить в то, о чём он говорит. Это же Руслан! Он был таким нежным, таким внимательным эти недели. Говорил, что я ему по-настоящему нравлюсь.

Может, я всё неверно поняла? Может, мой захмелевший мозг не так интерпретировал их разговор?

Но здравый смысл и чувство самосохранения вопят во всю глотку, хоть и оглушены алкоголем, бьют в набат.

Дыхание перехватывает – паника накрывает с головой.

Нужно бежать, хотя бы попытаться! Иначе... Даже представить страшно, если моё предположение верно.

Я лихорадочно осматриваюсь. Осторожно, чтобы меня не услышали, на цыпочках возвращаюсь обратно в сад, там я видела лестницу у дерева.

Да! Есть!

Осторожно, старая не греметь, подставляю её к забору. В деревне, когда бабуля повредила колено, на чердак мне приходилось лазать, поэтому такое даётся легко, и вот я через минуту уже спрыгиваю за забором. Хорошо, что кроссовки надела сегодня.

Но что дальше? Куда бежать? Вокруг дерева, темно. Сердце стучит так, что, кажется, будто его даже в доме слышно.

Просто бросаюсь бежать, пытаюсь подсвечивать себе экраном телефона. Главное, уйти подальше, чтобы не догнали. Потому что если догонят – кто знает, чем вообще всё это закончится.

Немного пробежав, останавливаюсь и засовываю пальцы глубже в горло. Вызываю рвоту, чтобы избавиться хотя бы от части алкоголя или чего там ещё туда добавили эти сволочи, исходя из их разговора.

Кое-как собираю себя в кучу, хотя всё тело трясёт, и двигаюсь дальше. Не знаю, сколько времени я так бегу, сколько раз падаю, пачкаясь в сырой земле, несколько раз цепляюсь волосами за ветки деревьев – больно. Кое-как свернув в хвост, прячу их под куртку.

В груди всё горит, дыхания не хватает. Страх лижет пятки. Желудок после вынужденных спазмов болит.

Я ведь ничего плохого не сделала! Я просто поверила хорошему, как мне показалось, парню! А он оказался подонком... С друзьями своими решил мною поделиться.

В очередной раз споткнувшись, я успеваю удержаться за ствол дерева, но о кору сильно обдираю ладонь. Словно руку в огонь сунула.

Силы будто внезапно куда-то уходят, и я оседаю на землю. Слёзы брызгают из глаз, обжигая щёки.

Мне больно. Мне страшно. И хочется домой к бабушке в наши Старые Синички, где все знакомы и доброжелательны.

Достаю телефон, пытаюсь по картам определить своё местоположение, но, как и следовало ожидать, сеть тупит. То виснет, то вроде бы мелькают координаты и карта «бежит» на экране, находя точку моего местоположения.

– Блин, – перезагружаю карту снова и снова, а потом мне вдруг кажется, что я слышу голоса.

Только не это, Боже!

Подскакиваю на ноги и бегу просто куда получается. Кроссовки скользят по сырой траве, ног уже не чувствую, раненные ладони саднят.

И вдруг выскакиваю к дороге. Темная узкая полоса асфальта тянется между двумя чернеющими стенами деревьев лесопосадки.

Приступ радости сменяется тревогой. Уверена, Руслан с друзьями предусмотрят и этот вариант, поэтому прячусь у кромки в деревьях снова.

Через какое-то время вижу свет фар. Он приближается. Машина мчится на скорости, но у меня уже нет выбора. Думаю, придурки бы не гнали в поисках меня, а скорее ехали бы неспешно, присматривались.

Выбегаю на дорогу и выставляю руки. Жажмуриваюсь от страха, когда слышу визг колёс. Мне уже всё равно, кто в машине. Только бы не бросил тут.

– Ты совсем дура? – слышу низкий мужской окрик.

Ноги подкашиваются, и я падаю на колени.

– Ты куда под колёса-то бросаешься?

В свете фар вижу только фигуру. Высокий, крепкий, здоровенный мужчина.

– Пожалуйста, – жалкий всхлип рвётся из горла, – пожалуйста, помогите. Заберите меня.

* * *

Друзья, добро пожаловать в новую историю! Мой очередной авторский эксперимент, потому что раньше я разницу в возрасте писать боялась)) Но с вашей поддержкой, уверена, у меня всё получится)

Героиня у нас очень молоденькая, не забывайте об этом, не сравнивайте с девчонками из моих последних книг. А герой... Ну скоро ближе познакомимся))

Забрасывайте в библиотеку и не забывайте поставить звездочку ##

Обнимаю всех крепко-крепко, Маша:**

2.

Герман

– Гермыч, он ему действительно там днище похерил. Я не знаю, из какой задницы этот Прохоров достал свою корочку сварщика, но владелец крузака очень недоволен.

Сжимаю руль пальцами. Дебилы, блядь. Не могут в элементарных вещах сами разобратся. И нахера я держу на сервисе управляющего, если он по каждой мелочи мне наяривает в любое время дня и ночи?

– Рома, ну так разрули, ты там для мебели, что ли? Хозяину автомобиля выплати неустойки и проведите бесплатный ремонт, вызови Степаныча, закрой ему двойную за допмену. А Прохорова пробей по базе. Если просто налажал – уволь, если мошенничает – мне скажешь, я разберусь.

– Окей, понял, – Рома прощается и отрубается.

Давлю на газ. Ехать осталось до города около получаса. Жрать хочется – аж кишки на узел завязываются. Может, тормознуть где на заправке, хоть кофе взять? Дома же тоже хоть шаром покати, и готовить будет влом, и заказать уже поздно.

Трасса узкая, тянется лентой между двумя тёмными завесами из деревьев. Хвойники стоят такими же тёмно-зелёными, как и летом, а вот когда едешь через лиственные – красота. Будто в огне всё, в золоте. Только не горят, а глаз радуют. То золото, то красное, то бордовое всё полосами. Но это днём я ехал. А сейчас темно и хвойники – как стены вдоль дороги. Забор.

Всё так однообразно, что приходится начать напевать себе под нос детскую песенку, чтобы не уснуть.

Раз ромашка, два ромашка, три...

Откуда она вообще в моей голове? Я вроде полчаса назад слушал «Гражданскую оборону», а теперь в башке заиклилась эта ромашка. Не сильно она на Егора Летова смахивает.

И снова: раз ромашка, два ромашка...

Блядь!

На дорогу буквально в паре метров выбегает девчонка. Едва успеваю ударить по тормозам, хорошо, что только-только сам их перебрал. А не всякие прохоровы... Иначе точно бы девке этой трындец был.

– Ты совсем дура? – ору с психу, выскочив из машины.

Наркоша, что ли? Трясётся вся.

Волосы взлохмачены, джинсы и куртка все в грязи, по лицу косметика размазана. Мелкая какая-то, малолетка ещё, наверное.

Дрожит, как осиновый листок, всхлипывает.

– Ты куда под колёса-то бросаешься? – спрашиваю мягче, сомневаясь, честно говоря, что она вообще адекватно воспринимает мои слова.

– Пожалуйста, – лепечет и падает на колени, как подкошенная. – Пожалуйста, помогите. Заберите меня.

Так, блин.

– А ну вставай давай, – подхожу к ней и вздёргиваю на ноги, но она, кажется, не способна на них устоять. Трясётся вся, аж зубы стучат.

Запах алкоголя ощущаю, но девчонка не в стельку. Перепугана – да, но не бухая. Синяков на лице не видно, но на куртке замечаю кровь.

– Ранена?

– Они... там... – бормочет себе что-то под нос, глядя на меня огромными глазами. Хреново пахивать начинает эта история. Твою ж, Герман, ты то дерьмо, то в партию... Без приключений я, по ходу, никак.

– Тебя обидели?

– Не успели, – всхлипывает, а я отчётливо слышу, как клацают её зубы.

– Откуда кровь?

Она разворачивает ладонь, на которой заметны царапины. Не сильно глубокие, но кожу свезла.

– Не бросайте меня, пожалуйста, – начинает заикаться от рыданий. – Я домой хочу.

Вот же проблема, мать твою. Только головняка мне ещё не хватало. Но не бросать же её тут на дороге.

– Поехали, – киваю на дверь машины, но понимаю, что сама она уже и шагу ступить не может, поэтому подтаскиваю к тачке и закидываю на заднее сиденье как мешок.

Сам усаживаюсь за руль. Настроение падает в минуса. Опыт многолетней оперативной работы подсказывает, что в таких историях может быть много переменных.

– Как тебя зовут? – спрашиваю, глядя на неё через зеркало заднего вида. Сжалась вся в комок, коленки к подбородку подтянула.

– Женя, – пищит, всхлипывая. Ревёт сидит. Уже хорошо, значит, не в ступоре.

– Сколько тебе лет, Женя?

– Во-восемнадцать, – поднимает зарёванные глаза. – Вы же в город едите?

Так, восемнадцать – уже хорошо.

– В город.

– Мне в ЖД район нужно, но хоть куда-нибудь, дальше я сама.

– Может, тебе в больницу надо всё же?

– Нет, – мотает головой. – Не надо в больницу. Домой надо.

Странно, что так отказывается от больницы. Может, под чем-то всё же девочка?

Из поворота выруливает какая-то тачка и пристраивается сзади. Сигналит, моргнув фарами. Кому там что ещё приспичило?

– Ой, только не останавливайтесь, пожалуйста, – скулит девчонка и её начинает колотить крупной дрожью. Того гляди, взвоят. – Это они, точно они. Р-руслан и его приятели. П-пожалуйста, не останавливайтесь!

Та-ак, кажется мой вечер точно перестаёт быть томным.

– Ляг там сзади и отсвечивай, – приказываю ей, а сам сворачиваю к обочине.

3.

Евгения

Я не просто на ложусь, а даже скатываюсь на пол. Забиваюсь едва ли не под сиденье, рот ладонью зажимаю, потому что кажется, что даже моё дыхание слышно будет.

А если они его бить начнут? Каким бы большим и сильным этот мужик не казался, он один, а подонков – пятеро.

Только бы он меня им не отдал. Если бросились искать, значит, так просто не отпустят. Если вообще отпустят. Я таких историй по телевизору много слышала. Прикопают в этой же лесопосадке, только перед этим пропустят через ад.

Пожалуйста, кем бы ты ни был, только не отдавай им меня!

Не знаю, сколько в реальности он с ними на улице разговаривает, но я успеваю раз десять точно прошептать Отче наш, зажав крестик в кулаке до боли.

Когда дверь снова хлопает, зажмуриваюсь ещё крепче, боясь вот-вот услышать «выметайся, тебя там ждут» или что хлопнет ещё одна дверь и меня попросту выволочат за волосы.

Но мотор снова тихо урчит, и мы едем дальше. Выдыхаю, и аж чувствую, как кончики пальцев на руках и ногах начинает покалывать.

Не отдал.

– Там плед есть. Укройся, – обращается ко мне. – Зубами стучишь – аж сюда слышно.

– С-спасибо, – вползаю на сиденье снова. И правда зуб на зуб не попадает.

На полке багажника за сиденьем нащупываю мягкую ткань, разворачиваю плед и закутываюсь в него по самый нос, и даже сама не замечаю, как проваливаюсь в сон. Будто в забытье какое-то.

– Эй, Женя, – чувствую, что меня толкают в ногу.

Вскакиваю, не сразу понимая, где я и с кем. Сердце тарахтит, раненую ладонь простреливает болью. Мне требуется несколько секунд, что вспомнить и понять. Мозг будто перегрелся и отключился на время в аварийном режиме, а теперь не может запуститься.

– Что? – голос хрипит, словно горло ободрала или простудилась.

– Мы в Железнодорожном уже. Тебе куда?

Прилипаю к окну, пытаюсь различить, где мы находимся. Уже то, что он привёз меня сюда – словно камень с груди.

– Я тут выйду, там общежитие чуть дальше за остановкой, – говорю своему спасителю, а он паркуется возле бордюра за остановкой. – Спасибо вам большое.

– Я не буду читать тебе воспитательную нотацию, девочка, – басит, глядя перед собой. – Но в следующий раз головой думай, куда и с кем ты идёшь тусоваться.

Звучит обидно, хочется возразить, но я понимаю, что он прав. Так оно и выглядит со стороны, и мои оправдания, что Руслан казался хорошим, будут звучать глупо.

Да и не только со стороны.

Ведь реально, если подумать, то что я о нём знала, прежде чем согласиться ехать за город на дачу? Тане ума хватило не поехать, она к тому же маме проболталась, и та строго-настрого запретила.

А я поехала...

И кто знает, что бы со мной сделали, если бы не этот мужчина. Имя которого я, кстати, так и не спросила.

– Как вас зовут? – спрашиваю, уже открыв дверь. – Если не секрет.

– Герман Васильевич.

Сама не знаю почему, но меня вдруг смущает то, что он представляется так официально. Он взрослый, да, намного меня старше, судя по всему. Я толком при свете так и не увидела его лица.

– Ещё раз вам спасибо, Герман Васильевич.

Я выхожу из машины, аккуратно прикрываю дверь и иду за остановку в сторону аллеи. На улице холодно, бабье лето, судя по всему, уже заканчивается.

Людей никого не видно. Машин мало. Тусклый свет от остановки падает недалеко, и уже через несколько шагов я погружаюсь в темноту аллеи. Она короткая, минута – и я выхожу во дворы, а там за домами и общежитие технологического техникума сервиса, в котором я учусь.

Раньше я всегда пробегала эту аллею, когда приезжала поздно с занятий во вторую смену, было страшновато в этом тёмном перешейке между остановкой и дворами, но сейчас, после пережитого, после того, как пришлось бежать по посадке одной в темноте, эта аллея кажется местом спокойствия и безопасности.

Прохожу через дворы, то там, то тут группками сидит молодёжь. Это даже как-то успокаивает. Внутренняя дрожь ещё прошла не до конца, но произошедшее всего каких-то пару часов назад кажется уже будто бы далёким. Будто не со мной всё это было. Или вообще приснилось.

Прохожу через детскую площадку у крайнего дома и сворачиваю на дорогу к общежитию. Достая телефон, собираюсь написать Тане, чтобы она попросила комендантшу открыть мне двери.

Но вдруг, когда я уже почти сворачиваю к воротам, внутри простреливает острое чувство опасности. Резко остановившись, я всматриваюсь вперёд. Замечаю, что чуть дальше, под деревьями стоит машина. Освещение у общежития достаточно яркое, но автомобиль припаркован так, что сразу не разобрать ни цвет, ни модель.

А когда пытаюсь присмотреться, то внутри ёкает. Серый седан. Как у Руслана...

Делаю шаг назад, прикладывая ладонь к груди, где в страхе колотится сердце. Быстрые тревожные толчки отдаются где-то в горле, и от страха подступает комом тошнота.

Прячу телефон в карман и бросаюсь бегом обратно. Сама не знаю куда, просто бегу, задыхаясь от ожившего недавнего страха.

Куда? В полицию? Я ведь даже... фамилию Руслана не знаю...

Домой хочу, к бабушке, хоть сейчас бы на поезд. Только деньги и документы в общежитии остались. А туда до утра уж точно никак.

Куда же мне идти? Где ночь слоняться?

Хочется остановиться, согнуться пополам и зарыдать, но мне слишком страшно, нужно убежать как можно дальше.

Я возвращаюсь к остановке и забиваюсь в угол. Обычно тут сидит бездомный, тихо спит каждый вечер. Но сегодня его нет, его место займу я.

Прекрасно, Евгения, покорение большого города идёт строго по плану.

Поджимаю под себя ноги, натягиваю рукава, пытаюсь согреться, когда слышу рядом знакомый голос:

– И что же опять у тебя приключилось?

4.

Герман

– Не, пацаны, не видел, – пожимаю плечами, засунув руки в карманы и нащупав в правом кармане. Хер знает, может ещё отбиваться придётся.

– Точно? – гундит носатый. – Она тут вдоль дороги шла.

– Говорю же, никого не видел. Но я не особенно и осматривался. Давно в дороге – рубает уже. Тут бы не отключиться.

– Ну вы это... если вдруг дальше увидите – маякните может. Переживаем.

– Не в себе, что ли, сестрёнка твоя? – всматриваюсь в его пиздливую рожу. Братец заботливый, ага.

– Наркоманит, – пожимает плечами. – Сколько родители не быются, она ни в какую за голову не берётся.

– Н-да, фигово. Что ж так девчонку-то упустили?

– Да связалась с придурком, – сердобольно качает головой обсос.

– Ладно, парни, поехал я. Едва на ногах стою уже. Удачи вам в поисках вашей сестрёнки.

Машу пидорам рукой и поворачиваюсь спиной, демонстрируя полную беспечность, но на самом деле я собран и настроен, чуть что, давать ответку.

Сажусь в машину и захлопываю дверь, намерено неспешно пристёгиваюсь и плавно трогаясь. Только бы девчонка не вылезла сейчас, иначе реально придётся отбиваться.

Шакалы. Смотрят вслед. Глаза блестят, как у собак бешеных.

Сестрёнка... Так я и поверил. Мажоры, привыкшие к безнаказанности. Сколько таких воробышков в их лапах побывало в этом дачном посёлке посреди леса? Не думаю, что эта мелочь первая.

– Там плед есть. Укройся, – предлагаю девчонке. – Зубами стучишь – аж сюда слышно.

Слышу, как скребётся сзади, снова взбираясь на сиденье. Она с перепугу на самом полу спряталась.

Минут через пять замечаю, что она в отключке. Спит, один нос торчит.

– Шелест, привет, – набираю друга. Бывшего, но не суть. – Это Герман.

– Уже в шоке, – бормочет недовольно. – Чем обязан?

– По М4, не доезжая двадцать км до города, есть дачный посёлок. Там компания отмороженных девок юзает. Думаю, опаивают сначала, а там может и нет. Проверили бы.

– Ты мне в начальники записался? – скрипит недовольно. – Будешь наряды раздавать?

– Борь, не выёбывайся. Хотя бы присмотритесь.

– Ладно. Разберёмся.

Отключается не прощаясь. Ну и хер с тобой, Шелест. Ты себе сам придумал, сам обиделся. Оно хреново без лучшего друга, но я не малолетка, переживу.

Кстати, о малолетках. Девчонка вроде не похожа на безмозглую. Но мало ли, что ей там наплели эти уроды, как-то же заманили. И ей просто фантастически повезло свалить. Уж не знаю, как она улизнала. Или может эти уёбки так развлекались – дали сбежать и устроили охоту. Да только вот девочка смогла выбраться.

Доезжаем до города. Люблю колесить по Ростову ночью, он не такой загруженный, самый кайф. Раньше по работе часто приходилось.

Мне совсем не в сторону Железнодорожного, но не высаживать же мелкую посреди города. И так досталось ей. Поэтому качу к ЖДшному, и там уже бужу её.

Вскакивает, перепуганная, в полутьме салона через зеркало вижу, как блестят её потертые, подёрнутые дымкой сна глаза. Просит выпустить её у остановки. Благодарит, а саму дрожь мелкая бьёт – по голосу слышу.

– Как вас зовут? – спрашивает, уже приоткрыв дверь. – Если не секрет.

Усмехаюсь про себя. Чего ж секрет? Хотя, какая уж тебе разница?

– Герман Васильевич, – представляюсь по имени отчеству, привычку не искоренить. Хорошо, хоть звание не сказал.

– Ещё раз вам спасибо, Герман Васильевич.

Хочется назидательно поумничать, чтобы मुдакам всяким не доверяла, думала, с кем на свиданку идёт, но воздерживаюсь. Она и без меня, думаю, выводы сделала. Ума в голове прибавится.

Девчонка вылезает из машины и, поёжившись, обнимает себя руками за плечи и топает за остановку в темноту деревьев. Провожая её взглядом, отмечая невысокий рост, худобу в целом, но округлые бёдра, обтянутые джинсами.

Хочется стукнуть себя по лбу. Надо к Катюхе заехать на днях, а то, хоть и не пацан, а мозги от долгого перерыва токсит.

Девчонка уходит, а я уезжать почему-то не спешу. Безлюдно тут как-то. Сам не знаю, почему меня вообще это беспокоит. Стою ещё минут пять, а потом решаю проехаться вдоль дворов, куда пошла Женя.

Но, видимо, зря я время трачу. Тут спокойно, кое-где тусит молодёжь. Фонари горят, всё ровно.

Рядом вижу небольшой круглосуточный местный магазинчик и вспоминаю, что дико хочу жрать. Может какой-то чебурек купить да разогреть попросить.

Захожу и беру несколько пирожков. Сто лет с капустой не ел. Два кофе и печенье. Когда голодным в магазин зайдёшь, так чего только не купишь.

Сажусь в машину и еду домой так же по кольцу. И уже поравнявшись с остановкой, возле которой вышла девчонка, резко торможу, заметив Женю, сжавшуюся в углу.

Вот так новость. Ушла же вроде бы.

Уехать уже как-то не позволяет совесть. И прежде, чем я сам для себя выстрою логическую цепочку, что же буду делать дальше, выхожу из машины и подхожу к ней.

– И что же опять у тебя приключилось?

Женя поднимает перепуганные глаза, и я отмечаю про себя, что она мне чем-то напоминает хорька. Личико острое, глаза тёмные, блестящие, нос маленький и острый, над левой бровью родинка. Автоматом, блин, фоторобот включается в башке – привычка отмечать примечательные черты.

– Мне кажется... – говорит неуверенно. – Мне кажется... там машина стоит похожая. Возле общежития. Как у Руслана.

– Одного из тех дятлов?

– Угу, – кивает и кутается в свою тонкую курточку.

Нос красный, шмыгает. Замёрзла же в этой тонкой куртке на рыбьем меху.

Это тебе ещё может аукнуться, Герман. Вечно ты в задницу лезешь...

– Поехали, – киваю ей на машину.

– Куда? – оживляется, но в глазах сквозит сомнение.

– Ко мне.

Девчонка закусывает губы и сводит брови, глядя на меня. Понятно, что боится, тем более после сегодняшнего.

– Тебе согреться надо и выспаться. Или предпочтёшь ночевать в остановке? Решай, у тебя минута.

Она колеблется ещё пару секунд, а потом встаёт и послушно идёт за мной к машине.

5.

Евгения

– Входи, – Герман Васильевич открывает дверь в квартиру и пропускает меня вперёд.

Знаю, что это не менее рискованно, чем поездка с Русланом на дачу, и мало кто умной меня назовёт – прийти ночевать в дом к незнакомому мужчине. Да и моему предчувствию доверять, как показала практика, не стоит.

Но... Есть ли у меня выбор? Остаться ночевать на остановке, зная, что совсем недалеко меня ищет Руслан и его товарищи-подонки, сидеть в кустах – вариант совсем не лучший.

Вздрагиваю, когда мужчина заходит за мной и захлопывает дверь. Теперь остаётся только лишь надеяться на его порядочность.

Он щёлкает выключателем, включая свет, а я зажмуриваюсь от вспышки прямо над головой. Яркая светодиодная лампочка без люстры заливает всё синеватым слепящим светом.

– Ну чего стоишь? – говорит мне. – Раззувайся и заходи. Так, что ли, и простоишь у порога всю ночь?

Я снимаю кроссовки и куртку, обхватываю себя руками, поёживаясь. Полы холодные, через тонкие капроновые носки это ощущается очень хорошо.

– Тапки там, – кивает на небольшую тумбочку у порога. – Вроде новые были в целлофане. Если не найдёшь, могу дать носки шерстяные.

– Спасибо, – киваю и пытаюсь открыть заевшую дверцу тумбочки, но решаю оставить попытки после пары неудачных.

– Опять застряло? – басит Герман Васильевич. – Сейчас подрежем.

Он наклоняется и без видимых усилий открывает дверцу. Пока достаёт упакованные тапки, наблюдаю за ним.

Какой же он... большой. Мне не показалось в темноте на улице. Сейчас, в комнате, он кажется ещё больше. Будто ему не по размеру этот коридор и вообще эта квартира.

И взрослый. Я таких мужчин всегда смущалась и даже побаивалась. Пару раз сын соседей в посёлке, ему около тридцати пяти лет было, говорил мне комплименты и даже приглашал вместе на рыбалку сходить, и меня это всегда дико смущало. Он казался каким-то... старым. Мне были эти заигрывания неприятны.

Герман Васильевич кажется же просто взрослым. Не старым. Скорее зрелым. Возникает какое-то туманное сравнение с крупным зверем, но точно не с медведем. Слишком точные у него движения, будто каждое выверено.

– Ванная там, – показывает пальцем на узкую дверь в конце коридора. – Если хочешь есть – приходи на кухню. Она дальше по коридору. Я купил пирожки.

Он уходит в ту сторону, в которую указал, а я почему-то так и стою. Чувствую себя совсем растерянной. Звук плюющегося водой крана будто приводит в себя.

В ванной вода тоже шипит сперва, да так, что кран вздрагивает. Наверное, в этой квартире давно никого не было, раз трубы заводушились.

Ванная самая обыкновенная. Серый кафель, клеёноччатая шторка для душа над ванной стянута и заброшена на держатель. Белая раковина, рядом унитаз. Никаких украшений и лишних деталей – всё по минимуму и функционально.

Мою руки и смотрю на себя в зеркало. Лицо бледное, глаза красные, под глазами тёмные круги размазаны. Волосы всклокочены, и мелкие волоски торчат как антенны.

Умываюсь и приглаживаю волосы. Поправляю одежду, приводя себя в порядок. На кого я похожа? Что бы бабушка сказала, увидев меня такой?

Вытерев руки тёмным махровым полотенцем, я выхожу из ванной. Из кухни пахнет вкусно, отчего желудок достаточно громким урчанием напоминает, что не ела я давно, а и то, что ела, вывернула под деревом в лесу.

– Твой пирожок в микроволновке, – кивает мне Герман Васильевич, когда я вхожу на кухню. – Пакетик кипятком залил, бери чай. Голодная?

Отнекиваться смысла нет, особенно, когда громкое урчание снова повторяется, прилично заставив смутиться. Да и зачем?

– Спасибо, – в который раз сегодня адресую благодарность этому фактически незнакомому мне человеку. – Да, есть хочется.

Достаю из микроволновки душистый жареный пирожок, беру кружку с чаем и присаживаюсь на стул напротив мужчины за столом.

Чувствую себя какой-то неуклюжей. Руки дрожат, и немного чая проливается, когда ставлю чашку неудачно.

– Я вытру, – беру салфетку и устраняю результат своей криворукости.

– Что ты пила?

Замираю у раковины с салфеткой в руках. Стыдно перед ним. Я чувствую себя малолетней дурочкой, неумной настолько, что меня пришлось вот так спасать.

Это неприятно. Я никогда не считала себя глупой. Не семи пядей, конечно, но точно не глупой. Школу, пусть и поселковую, на отлично закончила, в швейный колледж в городе-миллионнике сама поступила. А тут...

– Руслан сказал, что добавил в сок немного джина. Но, думаю, они подсыпали мне что-то, наркотики какие-то, – поворачиваюсь к нему и пожимаю плечами.

– Много выпить успела?

– Почти стакан. Но я потом рвоту вызвала, когда сбежала.

– Умница, – кивает Герман Васильевич, а мне вдруг приятной кажется его похвала, даже щёки теплеют. Это, конечно, если не вдумываться, за что именно он похвалил...

– А Руслан – это...

– Мой парень, – опускаю глаза. – Ну... я так думала. Мы несколько недель встречались до... и...

– Ты не думала, что он подонок. Ясно, – поджигает губы. – Ладно, ешь. Да спать иди, ты еле на ногах держишься.

Ем я молча, пока он допивает свой чай. На него стараюсь не глазеть. Пирожок вкусный, но у бабушки вкуснее. Вот бы сейчас её выпечки поесть и... Германа Васильевича угостить.

– Спальня за гостиной. Дверь, если что, запирается изнутри. Постельное чистое там в комодке должно быть, – встаёт и оттирает руки салфеткой. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – киваю, наблюдая, как он, уходя по длинному коридору, устало стаскивает свитер, оставаясь в футболке.

Я допиваю чай, мою за собой кружку и протираю стол. На цыпочках, в абсолютной тишине иду в предполагаемую сторону гостиной. Тут темно, и я подсвечиваю себе экраном телефона, чтобы найти дверь в спальню. Увидев, прохожу и едва не вскрикиваю от шума рядом. Обернувшись, вижу на диване спящего мужчину. Это его телефон на пол упал.

Тихо выдохнув, пробираюсь к спальне, а потом всё же запираю за собой дверь. Шуметь и искать постельное бельё в комодке не хочется, да и сил нет. Поэтому я ложусь прямо на покрывало, набрасываю один край на себя и в считанные минуты отключаюсь.

6.

– Доброе утро, – раздаётся за спиной низкий голос, и я подпрыгиваю от неожиданности. Обернувшись, вижу мужчину. При дневном свете он совсем не выглядит менее серьёзным. И мне вчера после пережитого страха не показалось: здоровенный, высокий, плечи широкие. Только, кажется, он чуть моложе, чем я вчера подумала.

Коротко остриженные волосы ёжиком без модного ныне чуба. Мне даже хихикнуть захотелось, когда я на секунду представила его с этой копной, которую парням выстригают в барбершопах и укладывают красиво. Предполагаю даже, что Герман Васильевич не заморачивается парикмахерскими, пробежал сам машинкой в ванной, и на этой всё.

И взгляд тяжёлый, а глаза светлые-светлые – серые.

Герман Васильевич пришёл на кухню в домашних штанах и футболке. Мой взгляд падает на предплечья, испещрённые чёрными узорами и надписями, и я внезапно ощущаю волнение, глядя на них, потому спешу отвести глаза.

– Я тут... завтрак приготовила. Вы же не против? Сильно есть хотелось. Хотите блинов? Кроме яиц, муки и банки варенья ничего не нашла.

Он смотрит удивлённо. Как будто впервые меня видит и совсем не ожидал, что с утра встанет и найдёт непонятную, незнакомую девушку, копошащуюся на его кухне.

– Ты готовить умеешь?

Его это удивляет?

Ну а меня удивляет его вопрос, и я даже не нахожусь, как следует ответить. Просто киваю.

По взгляду, который Герман Васильевич бросает на блины, я догадываюсь, что он их отведать совсем не против. Есть ощущение, что домашнюю еду вообще не часто ест. Пустая квартира, отсутствие кольца на руке, да и по быту в доме видно, что женской руки тут нет.

Он моет руки и умывается прямо в кухне, пока я ставлю на стол тарелку с блинами, пиалу с вареньем и две чашки горячего чая. Сама тоже присаживаюсь, когда мужчина садится за стол. Внимательно наблюдаю, как он мажет блин вареньем, сворачивает его треугольником и откусывает кусок.

Мне почему-то становится очень важно, чтобы ему понравилось.

– Мне кажется, я уже лет пятнадцать не ел домашних блинов, с тех пор, как умерла моя мать, – говорит он. – Очень вкусно, Женя, у тебя прям талант.

У меня в душе всё расцветает от его неприкрытого комплимента. Не могу сдержать искренней улыбки в ответ.

– Ты случайно не в кулинарном учишься?

– Нет, – усмехаюсь. – В швейном. А готовить меня бабушка научила.

– Хорошая у тебя бабушка, – кивает он, закидывая остаток блина в рот.

– Да, она замечательная. Она вырастила меня.

– Ты сирота? – сводит брови, а взгляд становится серьёзным. – И не местная, небось?

– Да, я жила с бабушкой с пяти лет в посёлке в двухстах километрах от Ростова. А что?

– А мудака этот Руслан в курсе был?

– Да...

Кажется, я понимаю, к чему он ведёт. Руслану, кстати, я рассказала ещё в клубе, когда мы только познакомились, что приехала в Ростов учиться из деревни, и что кроме бабули у меня нет никого.

Вот же я дура, подумать только! Взяла и незнакомому парню в первый же вечер знакомства о себе рассказала то, чего не следовало. Только сейчас понимаю, насколько такая откровенность оказалась опрометчивой.

Да и Герману Васильевичу сейчас всё выложила...

Но, будем честны, за эти половину суток он заслужил доверия, как бы там ни было. Обидеть меня у него было более чем достаточно возможностей.

– Тебе когда на учёбу?

– Во вторник. В понедельник в колледже в одном крыле меняют окна на пластиковые, и занятия сделали дистанционные в этот день.

– Вот и отлично. Съезди-ка ты, девочка, проведай свою бабушку.

Вообще-то я не планировала, да и денег отложить немного хотела со стипендии, а если поеду, то отложить и нечего будет. Но он прав, мне нужно исчезнуть хотя бы на пару дней. Как минимум в себя прийти немного, а дом для этого – лучшее место.

– У меня паспорт в общежитии остался.

– Съездим за ним, а потом тебя на вокзал подкину. Знакомых в эти пару дней попрошу присмотреть за общагой, появится ли тачка этого твоего Руслана.

– Он не мой, – опускаю глаза.

– Ну ты поняла, о чём я. – Отмахивается и доедает последний блинчик. – Собирайся, я пока в душ.

Герман Васильевич встаёт и уходит в ванную. Я мою тарелки и сковороду, в которой жарились блины. Мне-то и собираться не нужно, собрана я. Только телефон остался в спальне.

Иду в комнату, забираю телефон. Вспоминаю, что нужно написать Тане. Наверное, она волнуется, я ведь не приехала ночевать, и даже не написала ей. Подруга называется.

Открываю сообщения и вижу целых десять от Тани, не считая смайликов.

«Ты где?»

«Ты гдееее?!»

«Женька, ответь, я переживаю»

И всё в таком же духе в течение всей ночи.

Становится очень стыдно перед подругой. Она волновалась, а я не просто не ответила, а даже не прочитала её сообщения!

«Надеюсь, у тебя всё сложилось с Русланом, и тебе просто очень хорошо... Хотя бы утром отпишись. За мной в девять папа приедет, я домой на все выходные» – написала она последнее ближе к четырём утра.

Сеть в спальне как-то ловит не очень, и я решаю вернуться в кухню. Набираю текст по пути и вдруг врезаюсь в... нет, совсем не в стену и даже не в шкаф. Хотя очень похоже.

Напарываюсь я на Германа Васильевича.

– Ой, простите... – сглатываю, подняв глаза и уткнувшись взглядом в его кадык и влажную после душа кожу шеи.

Дыхание странно перехватывает, и я интуитивно делаю шаг назад. Пульс неожиданно резко набирает обороты. Мне кажется, что щёки заливают огнём – настолько сильно они вспыхивают.

Как будто какой-то толчок в груди, от которого по всему организму идёт цепная реакция – дрожь, жар и слабость в коленях.

– Молодёжь... – качает он головой, поджав губы. – Без телефона, прям, никуда. Ничего вокруг себя не видите. Ладно, обувайся и поехали уже.

7.

– Можете остановить где-то здесь, пожалуйста, – прошу Германа Васильевича.

– А почему так далеко? – хмурится он.

– Ну просто... – смущаюсь, не зная, как ему правильно объяснить. – Я первокурсница. Вчера не пришла ночевать, а сегодня...

– Тебя привёз какой-то мужик в два раза старше, – заканчивает он фразу за меня, позволяя выдохнуть и не произносить это вслух. – Понял.

Он паркуется у крайнего к общежитию дома, я выхожу и почти бегом иду в общежитие. Чувствую себя провинившейся, едва ли не преступницей. Как представлю сейчас строгий взгляд комендантши, аж дрожью пробирает. Стыдно.

И страшно, честно говоря. Страшно увидеть под деревьями у забора всё ту же серую иномарку. Только подумать, буквально вчера утром её наличие там меня очень радовало, и я сама бежала скорее навстречу её хозяину.

– Здравствуйте, – кладу на стойку пропуск. И как только я вчера его не потеряла, пока по лесу бежала. – Новикова из двести восемьдесят девятой.

– Здравствуй.

Наталья Петровна, наша коменда, забирает мой пропуск и кладёт ключ на стойку вместо него. Она занята разговором по телефону, видимо, важным очень, потому что на меня даже не смотрит.

Я даже выдыхаю с облегчением, когда забираю ключ и прошмыгиваю к лестнице.

Быстро поднимаюсь на свой второй этаж и иду в конец коридора. Нужно поторопиться, чтобы не заставлять Германа Васильевича долго ждать. Он и так на меня времени много потратил. По сути, зачем ему возиться с какой-то девчонкой? Уверена, у него и своих дел полным полно.

– Привет, Женёк, – высовывается Света, девочка из соседней комнаты. – Ты на выходные остаёшься?

– Нет, домой поеду, а что?

– Хотела у тебя тазик попросить, постираться надо. А наш с Лерой лопнул вчера. Димка Кучеров сел в него, придурок, и раздавил.

Ну... Блин, и как отказать?

Честно говоря, я не особенно люблю делиться личными вещами, а уж тем более связанными с гигиеной. Я моюсь в тазу, когда в душ не достояться в очереди с утра, бельё своё стираю.

Сложно мне привыкнуть к общажной жизни. Но ещё сложнее отказать.

– Ладно, только почисти его потом, хорошо?

– Конечно, – кивает Света, обрадовавшись, на секунду возвращается за дверь и выходит за мною уже в тапочках.

Эх, не научила меня бабуля говорить «нет». Придётся самой как-то. Но не сегодня, видимо...

В комнате никого нет – Таня уже уехала. Я достаю таз и отдаю Свете, а она осматривается. Вроде бы не раз была у нас в комнате уже.

– Блин, Женёк, у вас чистенько так, убрано. Вы когда вообще успеваете?

– Стараемся не сорить и не устанавливаем очередь. Обе убираемся за собой и друг за другом, если есть необходимость.

Да, тут у нас с Таней, к счастью, взаимопонимание получилось. Она так же любит порядок, как и я. И совсем не считает зазорным убрать за мной забытое мокрое полотенце и развесить или вымыть тарелку. Так же и я за ней. Не успела убрать обрезки от выкройки – я уберу, если минутка есть.

Таня вообще очень воспитанная девушка, аккуратная. Хотя она и городская, просто живёт в другом районе, никогда не подтрунивала надо мною, что я из деревни и многое не знаю о городе. А мне кажется, у меня даже речь немного отличалась поначалу, но Таня вообще никак и не намекнула.

– А с кем это ты приехала? – Светка, встав на цыпочки, выглядывает в окно. – Фигасе тачка! Мы с Леркой аж залипли. И это же не та серая ауди, да?

Вот же глазастые! До углового дома порядком же расстояние, чтобы вот так в окно увидеть. Будто сидели и смотрели.

Чувствую, что вот-вот покраснею, поэтому отворачиваюсь к шкафу, будто что-то там ищу. Эти две быстро слухи пустят по общаге. Кошмар какой!

– Просто такси. Утром из колледжа вызвала, вместо эконома приехал комфорт.

– Такси-и-и... – тянет, всё ещё высматривая в окно, но, кажется, Герман Васильевич перепарковался, он предупреждал, что дальше станет. Спасибо ему. – У богатых свои причуды.

– Тоже скажешь, – делано усмехаюсь, хотя самой совершенно не смешно.

С трудом выпроваживаю любопытную Свету, проверяю сумку с ноутбуком на наличие остатков своей стипендии, что я вчера утром сняла, паспорта, конспекта по дизайну, ну и самого ноутбука. Быстро переодеваюсь в свежую одежду, переплетаю волосы в косу и тороплюсь обратно к Герману Васильевичу.

Мне везёт: Наталья Петровна снова или всё ещё занята телефонным разговором, поэтому я оставляю ключ, получаю пропуск, расписываюсь в журнале, что уехала на выходные, и выбегаю на улицу.

Снаружи достаточно холодно – осень с каждым днём всё сильнее вступает в свои права. Дождь накрапывает, ветер. Так что я радуюсь, что надела водолазку потеплее и куртку с капюшоном вместо вчерашней ветровки. Бабуля ещё и за шапку спросит, но возвращаться уже некогда.

– Заждались? – снова сажусь на сиденье рядом с мужчиной. – Извините, что так долго.

– Нормально. И дольше в кустах сидеть приходилось.

Раскрывать подробнее странную фразу он не спешит, а мне становится интересно, хоть и до ужаса неудобно спрашивать.

– Шпионили за кем-то? – вырывается, за что я готова язык себе прокусить.

– Выслеживал, – отрезает коротко, выводя машину из дворов на дорогу.

– Ого, – говорю искренне. – Вы в полиции служите?

– Служил. Ушёл.

Он говорит это таким тоном, что я не решаюсь спросить что-то ещё. Так и едем молча до самого вокзала. И тишина эта и напряжённая, и какая-то уютная, что ли, вместе с тем. Мне так спокойно, так надёжно рядом с этим большим и сильным мужчиной, что даже саму начинают смущать эти мысли.

А вообще, чувство это непередаваемое. Рядом со мной ведь никогда и не было мужского плеча. Ни отца, ни брата, ни даже парня. Я думала, Руслан мог бы стать им, но, если сейчас вернуться мыслями назад, я в эти несколько недель, что мы встречались, когда гуляли в парке или ходили в кафе, то ничего подобного на надёжное спокойствие я и не ощущала.

Странно, наверное, сравнивать Руслана и Германа Васильевича. В принципе, даже не окажись Руслан подонком. Это просто разное. Руслан – парень, а Герман Васильевич – мужчина.

Он спас меня, и я ему за это очень-очень благодарна. Но... странная щекотка где-то в районе живота, появившаяся, когда я врезалась сегодня в прихожей в мужчину, так до конца и не отпустила. Притихла вроде бы, но если прислушаться, если внимательно присмотреться, то она никуда так и не делась, а в тишине машины снова покачнулась, заставляя её ощутить.

Мы приезжаем на автовокзал, и я иду за билетом. Удачно получается купить: в сторону нашей станции автобус будет как раз через полчаса. Долго ждать не придётся, и потом от стан-

ции топать по темноте не надо. Там хоть всё знакомое и родное, да в последний год к дальнему пруду частенько приезжают на машинах молодёжь из соседнего небольшого городка потусить, да не просто веселятся, а пьют, ещё не пойми чем занимаются. Прошлой осенью рыбу в пруду петардами поглушили.

В общем, место это лучше по светлому пересечь.

– Спасибо вам огромное ещё раз, Герман Васильевич, – говорю искренне, перед перроном. – Если бы не вы, то... даже не знаю...

В горле ком становится моментально, стоит только представить это «если бы».

– Держи, – протягивает бумажку с цифрами. – Мой номер.

– Спасибо, – киваю.

Странно чувствую себя. Снова эта щекотка. И... сожаление, что автобус отправляется так скоро...

А потом я делаю самое странное, что делала в своей жизни – поднимаюсь на носочки и целую Германа Васильевича в щёку.

8.

Первый час, не меньше, мои щёки огнём пылали, пока я ехала в автобусе. И окошко приоткрывала, и ладони ледяные прикладывала, а всё легче не становилось.

Я включила аудиолекцию по истории театрального костюма, но так и не смогла вдуматься. Ничего абсолютно не цеплялось в голове, поэтому решила послушать музыку. Но и она только раздражала, даже любимые песни воспринимались шумом.

И зачем я так сделала? Что он подумает обо мне?

Мне и самой себе сложно объяснить, зачем я поцеловала Германа Васильевича. Но ещё больше смущает собственная реакция. Почему же эти предательские щёки горят и горят? А сердце почему стучит так, что дышать глубже приходится?

Выезжаем за пределы города, за окном тянутся чёрные перепаханные поля. Одно за другим, большими ровными прямоугольниками. Потом начинается посадка вдоль трассы, яркая такая – засмотреться! Кусты-огоньки жёлтые, оранжевые, красные, коричневые – сливаются в яркую полосу.

Обожаю осень. Наши Старые Синички в это время всегда в золоте стоят, пылают цветами насыщенными. А запахи какие! Выйдешь в сад, особенно если вечером, не холодным, так от яблочного аромата голову кружит.

А как холодно, дождь, обожаю просто у окошка в старой кухне усесться с книгой. Кот Бурля свернётся на коленках и мурлычет так громко, что урчание его это во всём теле отдаётся. Приятно.

Наверное, я всё же засыпаю, потому что вскидываюсь, как от толчка, когда возле меня начинает возиться мужчина, доставая из-под сиденья свою сумку.

Отодвинув шторку, я выглядываю в окно. Мы уже в Верховинке, следующая остановка – мой посёлок. Ехать осталось минут двадцать.

На своей остановке выхожу только я. Это на станице, что рядом, много людей выходит, а у нас тут в Синичках обычно один-два. Посёлок маленький, если и ездят куда люди, то в основном в станицу, а в сам Ростов нечасто.

Спустившись со ступеней автобуса, я глубоко вдыхаю чистый воздух. Родной. Вот что ни говори, а тут дышится иначе, чем в городе. Аромат другой, более свежий, более сладкий. Грудь до отказа наполняет, будто и одежда не стесняет.

Закидываю рюкзак с ноутбуком за спину и, застегнув куртку до самого подбородка, иду от дороги в направлении самого посёлка.

– Привет, студентка, – рядом тормозит на старой копейке дед Рома с нашей улицы. – Садись, подвезу, Женёк.

– Ой, спасибо! – радостно соглашаюсь. Оно вон что-то ветер всё сильнее и снова дождь накрапывает. Пока пешком дойду, намокну, тогда от бабушкиного травяного чая не отделаться, а его запах у меня рвотный рефлекс вызывает.

Доезжаем с дедом Ромой до центральной площади посёлка. Он всё возмущается, что переезд перед станицей уже второй месяц ремонтируют и приходится по объездной мотаться, а это дольше почти на пятнадцать минут.

– Я вот за плёнкой ездил вчера, чтобы виноград укрывать на зиму, так проторчал в пробке минут сорок, по объездной же не только наши синичковцы ездят, там и из Мариновки, и из Еленска, вот затор и получается. А переезд так и закрыт. Им что? Они не спешат. Монополисты! А людям страдай.

Я только киваю. Дед Рома у нас любит поскандальить, только повод дай. Но зато он всегда если чем помочь нужно по мужской части по ремонту – никогда не откажет. Но придётся

выслушать, из какого дерьма сейчас гвозди делают, что гнутся во все стороны, стоит только молотком ударить, и подобное.

– Ну давай, студентка! Бабе Шуре привет, – останавливает рычащую на все лады машину у наших ворот.

– Обязательно! Спасибо, дед Рома.

– Бывай, Женёк.

Он уезжает, а я, конечно, ключи от замка на воротах достать не успеваю, потому что бабушка их уже распахивает, радостно улыбаясь.

– Женечка! – раскрывает объятия. – Не ждала в эти выходные, дитё. Но как же рада!

– Привет, бабуль! – обнимаю её, прижимаясь крепко-крепко. Соскучилась!

Мы проходим в дом, я снимаю рюкзак и куртку. В доме стоит аппетитный запах, наверное, бабушка бросилась готовить, как только я ей позвонила и сказала, что приеду.

– Давай, дитё, раздевайся, руки мой да за стол. Вареники с картошкой наварила я. С маслом и с луком, как ты любишь. Кисель вишнёвый сварила, твой любимый, но горячий ещё. Выставлю сейчас на порожек, чтобы остыл быстрее.

– Спасибо, бабуль, но тебе не стоило так колотиться, – качаю головой, а сама, конечно, очень рада вареникам. Просто у бабушки в последние полгода сильно руки крутят, врач говорит, артрит, лечить нужно, мази постоянно использовать, но кто бы бабушку заставил? До моего отъезда в Ростов на учёбу ещё как-то её контролировала, а теперь-то понятно, как она лечится. Вон кастрюлю взяла, и дрожит рука.

Я мою руки и переодеваюсь в домашний спортивный костюм. Садимся с бабушкой ужинать. Вареники – просто пальчики оближешь. У бабушки всегда такие. У меня тоже вкусные получаются, но вот так красиво заворачивать края не получается.

Внезапно в памяти всплывает довольное лицо Германа Васильевича, когда он ел мои блины. Интересно, вареники он любит? Тоже бы понравились? С маслом или со сметаной?

– Дитё, ты в каких там облаках летаешь? – спрашивает бабушка, возвращая меня в дом из мыслей. – Аж жевать перестала.

Только бы щёки предательские не покраснели. Можно от кого угодно скрыть свои эмоции, но точно не от бабушки, она меня как облупленную знает.

– Вкусно просто очень, – бормочу, принимаясь тщательно жевать. – В общаге, знаешь ли, таких деликатесов не попробуешь особенно.

Бабушка смеётся в ответ и гладит меня по руке своей тёплой ладонью. Потом мы болтаем. Сначала она расспрашивает меня про колледж, про учёбу, что делаем, как учат, сколько задают. Про Таню спрашивает, про общежитие. Потом рассказывает, что да как дома. Куры к осени совсем нестись плохо стали, козы соседскую вишню поскубли, пришлось соседям отдать ведро яблок взамен, а кошка Макаровых котят нарожала – копии нашего Бурли. Так бабка Макаровых ругаться приходила.

– Совсем Макариха из ума выжила, что ж я Бурлю в доме-то запру? – всплёскивает руками бабушка.

Мы вместе после ужина убираем со стола, я умываюсь и иду в свою спальню. Умещаюсь в кресле с книжкой, закутавшись в плед. И Бурля уже тут как тут – мурлычет, хвост дугой, о ноги трётся.

И спокойно так дома, хорошо, а внутри всё равно пульсирует что-то, тревожит. Страхи и волнения остались в большом городе вроде бы, но какая-то их частичка со мной в село приехала, мандражит, не даёт расслабиться. Возвращаться в город совсем не хочется, но я знаю, что эта минута слабости временная. Нужно учиться, работу найти потом хорошую, бабушку забрать. Что тут в селе делать?

Бабушка приходит ко мне, рядом садится, а я кладу голову ей на колени и позволяю меня гладить по волосам. Расслабляюсь.

– Случилось чего, Женёк? – тихо спрашивает бабушка. Чувствует, как и всегда.

– Хорошо всё, бабуль. – Я никогда не умела врать ей. Да и нужды не было, бабушка никогда не ругала меня, а если шалость какая получалась, то лишь мягко журила. Но я не могу ей просто всё рассказать, она ведь с ума от страха и тревоги сойдёт потом. – Скучаю я просто там. Никак не привыкну.

В ответ она молчит. Продолжает гладить, пока я не засыпаю. Вот только сны мои связаны совсем не с селом, и даже не с пережитым недавно страхом. А с... крупным мужчиной, чьего лица я не вижу, но чьи сильные руки чувствую на плечах, чьи крепкие ладони гладят и сжимают, обнимают... и мне так хочется, чтобы этот сон не заканчивался.

9.

Герман

Хорёк забегает в автобус, скрываясь в его нутре, а я слегка подвисяю. Лёгкая она, как ветерок весенний, молоденькая совсем. Как ручеек в лесу чистая и свежая.

И пахнет так... молодостью. Описать сложно. Ни духов не слышно, ни других посторонних запахов. Молодостью и лёгким ароматом мыла пахнет от неё.

Почему-то сравнение с Катериной само в голову приходит. Катя – женщина. Взрослая, зрелая. Дорогие духи, ухоженная кожа, мягкий тембр голоса. Как кошка. А Женя в таком контрасте с ней...

Почему вообще у меня в мозгу это сравнение возникло?

Мотнув головой в попытке раструсить эти странные непрошенные мысли, я возвращаюсь к машине. Дел неспорно сегодня в городе. Поездка совсем выбила из колеи и теперь всё нужно подтянуть. На три объекта нужно сегодня съездить, ещё с Фадеевым встретиться, он говорит, что нашёл новый выгодный канал поставок запчастей. И Кате заехать обещал. Да и самому уже хочется увидеться.

Выруливаю с привокзальных лабиринтов на широкую трассу и включаю гарнитуру. Как обычно, часть работы приходится выполнять в машине по дороге.

Набираю сначала одного знакомого ещё по оперативке. Гражданский. Такие в моём телефоне записаны как «1», «2» и тому подобное. Таких сдавать не принято, они полезнее на улице. И даже по завершении карьеры. Бесплатно, конечно.

– Привет, это Герман.

– Добрый. Давно слышно не было.

– Слушай, есть просьба, – мы оба подразумеваем некоторую сумму под этим словом, конечно. – Возле общаги на Иванова надо немного попасться. Интересует серый седан, иномарка. Какая – не в курсе. Фотки, видео, время. С сегодня и до вторника.

– Понял.

Информатор отключается, а я набираю Рому.

– Привет, Гермич, – отвечает на третьем гудке. – Что это тебе в субботу не спится?

– Кто рано встаёт, тому Бог даёт, Рома. А вообще, ты на часы давно смотрел? Начало одиннадцатого уже.

– Ой, внаутре, я что-то заработался.

Заработался он. Небось только дотащился до сервиса, опять механик сам открывал точку.

– Что там по крузаку? Решили? Прохорова уволил?

– Да, всё сделали, как ты сказал: хозяину тачки сделали ремонт днища бесплатно. Прохорова пробил, там не то что корочки, там даже девяти классов нет. Он сварочный в руки взял, по ходу, месяц назад.

– И уже иномарки варить пошёл, debil. Да уж, – качаю головой. Каких только самоуверенных безумцев нет сейчас. Зачем учиться, да? – Ромич, это твой косяк, понимаешь? На работу ты его брал. К клиенту ты его подпустил. Ещё один такой прокол для репутации сервиса, и пойдёшь за Прохоровым.

Рома в ответ помалкивает, сопли жуёт и думает, что бы промямлить. Честно говоря, он заебал. Уже далеко не первый косяк на подконтрольной ему точке. Зачем мне такой тупой менеджер?

После пары ласковых сбрасываю Рому и только собираюсь набрать Катерине, как она звонит сама.

- Привет, Катюня, – беру трубку. – Только собрался тебе позвонить, ты будто догадалась.
- Привет, Герман, – усмехается. – От тебя дождёшься. Сегодня приедешь?
- Ты как всегда: сюрпризы не любишь?
- Не люблю, ты верно говоришь.
- Приеду, Кать. Только поздно. Много работы сегодня.
- Тогда до вечера, Герман. Жду.

Она отключается, а я перевожу бортовой компьютер из режима телефона на музыкальный плеер и включаю «Арию». В последнее время старый добрый русский рок куда предпочтительнее, чем зарубежка.

Надо хоть за вином хорошим заехать, конфеты купить. Не с пустыми же руками к Кате ехать. Большого она всё равно не возьмёт – пытался. Катя очень цельная и самодостаточная женщина. Кроме того, подарки она почему-то воспринимает как унижение её достоинства.

Но мне нравится проводить с ней время. Без сложностей, без обязательств, без бури чувств и эмоций. Спокойно, вкусно, в удовольствие. Качественный секс с красивой женщиной без выноса мозга – чего ещё пожелать?

Мы познакомились после моего развода с Кристиной три года назад. Как раз после увольнения из полиции. Тогда казалось, что жизнь сломалась. На службе появились проблемы, и я был вынужден уйти, брак с Кристиной и так трещал по швам, а тут она лишилась последнего, за что держалась в нашем браке – статуса жены начальника оперчасти. Она гордилась моим званием больше, чем мною самим. Я начал бухать, она забрала Ксюшку и ушла.

А Катя... мы просто встретились. Без всяких кафе-ресторанов-баров. Просто так, на остановке, она ждала автобус, а я... хер знает, чего ждал я. Просто стоял под дождём и смотрел в небо. Катя подошла и раскрыла надо мною свой зонт.

Через два часа мы уже были в её постели.

И все эти три года мы не встречаемся, не говорим о чувствах и статусах, просто спим друг с другом иногда. Но при этом присутствует какое-то тёплое, дружеское родство душ.

Торможу у офиса Фадеева. Допиваю кофе, купленное по дороге и вспоминаю, что мой завтрак сегодня выдался совсем необычным. Домашние блины, что испекла Женя, реально были такие, что с тарелкой съесть хотелось. Молоденькая такая, а готовит вкусно. Повезёт кому-то, кто замуж возьмёт девчонку.

- Здравствуй, Герман, – Антон привстаёт в кресле и протягивает мне руку.
- Привет, – отвечаю на рукопожатие и присаживаюсь в кресло напротив.

Антон Фадеев – мой партнёр по бизнесу. Вообще, он занимается не только автосервисом, у него ещё сеть моек и несколько газовых заправок. В своё время ввёл меня в курс дела, помог сообразить что да к чему, отблагодарил, если так можно сказать, за незначительную помощь, оказанную на службе как-то. По сути, если бы не Фадеев, я бы так и торчал сам в гаражной яме по локоть в масле, чинил бы тачки. Но под началом и с поддержкой Антона, получилось вырасти до целой сети в восемь сервисных точек. Своего рода уже бренд в городе. От Фадеева я с сервисными отпочковался, но в некоторых вопросах мы ещё контактируем, продолжаем сотрудничать. Ну и приятельствуем, конечно.

Мы обсуждаем дела, обдумываем риски перехода на нового поставщика деталей. Дешевле и надёжнее может оказаться совсем не таковым. Останавливаемся на секторальном переходе. Попробуем заменить один тип, потом второй, а там по результатам посмотрим.

– Слушай, Герман, – говорит Антон, когда разговор по бизнесу заканчиваем. – Есть дело. Можешь по-дружески по своим связям как-то пробить?

- Ну спрашивай, посмотрим, – киваю.

– У меня тут сын заигрался, гадёныш. От себя я ему всыпал, конечно, но решать вопрос тем не менее надо. Говорит, девчонку на дачу пригласили с друзьями, тусануть хотели. Ну ты и сам понимаешь – молодость. Девушка, понятно, какого толка – согласилась, приехала, сумму заранее обговорили. А она взяла и свалила с криками спасите-помогите. Короче, Руслан не может её найти, переживает, что начнёт лишнее рассказывать эта вертихвостка. В общем, может, как-то найти её можно?

Ну охренеть. Кажется, история становится всё интереснее.

10.

Евгения

– Жень, помоги вот тут, – подходит ко мне Лина, моя одноклассница. – Я дважды выкройку делала, и снова размер не соответствует. Боюсь, сейчас на ткань переложу, и неправильно будет.

– Давай, посмотрим.

Подхожу к её столу и читаю размерные расчёты. Метровой лентой ещё раз сверяюсь по размеченной заготовке.

– Ты же припуск на швы забыла.

– О-о! Вот это я дала! – искренне удивляется Лина. – Хорошо, что Витёк не пропалила меня, а то бы раскатала на всю группу.

Витёком в колледже называют преподавательницу по крою – Виталину Викторовну. Она действительно очень строгая, я бы даже сказала, жёсткая. Под горячую руку ей лучше не попадаться. И не любит, когда делают ошибки, буквально изничтожает за них, съест готова. При этом Виталина Викторовна действительно, как специалист, может многому научить, но студенты не очень любят её за столь крутой нрав.

Пересчитав с Линой ещё раз заданные размеры, мы отмечаем нужные точки, а потом я ухожу к своему столу. Нужно тоже пересчитать, а то сейчас у меня в голове чего только нет. С таким трудом вообще удалось сконцентрироваться на учёбе.

Виталина Викторовна приходит через десять минут. В мастерской сразу исчезает лёгкость и воздух становится густым. Девочки замирают у своих рабочих столов, пока преподавательница неспешно берёт свой толстый журнал, свою метровую ленту и не спеша направляется в рабочую зону.

Первой она начинает изучать работу Тани. Подруга стоит молча, пока Виталина Викторовна измеряет её выкройку.

– Сойдёт, – поджимает губы, молча ставя оценку в свой журнал. Тане, конечно, не озвучивает. А потом идёт дальше.

Когда подходит к Лине, замечаю, как та начинает дрожать.

Блин, ну это же ненормально, когда преподаватель ставит себя так, что его студенты боятся до дрожи в коленях. Только никто ничего с этим поделать не может. Девочки со старших курсов рассказывали, что Виталина Викторовна дружна с директрисой колледжа, поэтому все жалобы уходят будто вода в сухую землю.

Мне преподавательница никаких правок и замечаний не делает. Ставит красным маркером плюс на выкройке и идёт дальше.

– Дура эта Витёк, терпеть её не могу, – сердито шипит Таня, когда мы после пары спускаемся в столовую. – Вот за что она мне четыре поставила? У меня ни одной ошибки. Просто четыре и всё, понимаешь? Потому что ей так захотелось. Потому что «никто из вас криворучек-первокурсниц не достоин повышенной стипендии от государства».

Таня кривляет преподавательницу, а мне становится смешно – настолько похоже у неё получается. Но вообще, конечно, ситуация с этой четвёркой неприятная, да.

Очереди в столовой, к удивлению нашему, почти нет. Мы быстро покупаем по тарелке супа, ломтику хлеба и чашке чая с простой булочкой.

– Слушай, я как подумаю о том, что ты там от бабушки привезла, так суп этот столовский в глотку не лезет, – ковыряется Таня в тарелке.

Она без ума от выпечки, которую я привожу из посёлка от бабушки. Обычно мы расправляемся со всем этим уже через три дня. Потом уже переходим к более стратегическим запасам, что привозит Таня – колбасе, сосискам, тушёным замороженным биточкам, которые разогреваем в микроволновке. Танина мама тоже готовит очень вкусно.

А мне бабуля в этот раз наложила всего как никогда. И вареников домашних наморозила, пирожков нажарила разных, блинчиков наворотила с творогом домашним.

– Надо поесть первого, мы же суп когда теперь сварим.

– Ну да, с таким-то количеством заданий от Витьки, – снова мрачнеет Таня. – Главное, теперь задницу не разесть на вкусняшках твоей бабушка. Я только-только сбросила лишние три кэгэ.

После обеда мы идём на остальные занятия, в основном теоретические. На профрусском чувствую себя неуверенно, так как забыла конспект в общежитии, когда уезжала в посёлок, и плохо подготовилась. Притом, что русский всегда давался мне сложно. Правила приходилось зубрить, и когда в собственном написанном я замечала ошибку, мне было стыдно. Поэтому и сидела над ним днями и ночами в школе, эти восемьдесят семь баллов на ЕГЭ дались мне кровью и потом.

– Блин, где моя тетрадь? – неужели я ещё и её забыла? Аж в пот бросает, как представляю, что придётся перед преподавателем оправдываться.

Копаясь в сумке в поисках тетрадки. О! Нашла! Выуживаю её и кладу на парту, а потом замечая, что между листами застряла небольшая бумажка. Вытаскиваю и разворачиваю. На ней цифры – номер, который записал мне Герман Васильевич.

Пальцы теплеют сами по себе, а потом начинают покалывать, заставляя внутри что-то отозваться.

– Ты до сих пор не выучила наизусть номер Русика?

Когда Таня произносит его имя да ещё и на такой манер, меня передёргивает и по плечам аж озноб бежит. Я ведь Тане так ничего и не рассказала. О таком как-то между прочим за обедом в студенческой столовой и не расскажешь.

– Это... не его номер, – отвечаю между прочим, открываю конспект и начинаю внимательно читать.

– Оу, – не унимается Таня, продолжая шептать мне негромко. – А чей? Колись!

– Позже расскажу, – отвечаю ей негромко, заметив, как Света на втором ряду наострила уши. Русский у нас спаренный с их группой.

– Бли-ин, ну ты даёшь! Руслан такой классный, а ты чудишь что-то там...

Сжимаю зубы, чтобы меня не рвануло на эмоциональное объяснение прямо сейчас. Но потом напоминаю себе, что ещё недавно я бы и сама не подумала плохо о Руслане. Так и Таня – она просто не в курсе.

Слава Богу, приходит преподаватель, и на этом наш разговор заканчивается.

После пар оказывается, что Таня задерживается на репетицию. Нашему колледжу через две недели тридцать лет, и планируются мероприятия, среди которых и торжественный концерт. Таня в школе ходила в танцевальную студию, и теперь будет принимать участие в концерте.

– Хотя какие-то шансы на повышенную степуху, – говорит она, когда мы останавливаемся после пар возле холла. – За участие в жизни колледжа добавляют баллы к общему рейтингу. – Может, с нами, Жень?

– Я и танцы? – усмехаюсь. – Ну точно нет.

Это было бы действительно смешно. Бабушка ещё в детстве смеялась, что мне медведь на ухо наступил. По доброму смеялась, конечно же, но это действительно так. Я видела видео со своего выпускного утренника в детском саду... Лучше пусть танцуют те, кто это делать умеет, я так скажу.

Мы прощаемся, и я иду на автобус. Проехать до общежития надо всего две остановки. Пока еду, успокаиваю себя, что вряд ли Руслан будет околачиваться у общаги среди буднего дня. Успокаиваю, а сама в кармане куртки крепче сжимаю бумажку с номером телефона.

Выхожу я не на своей остановке, а на следующей. Решаю обойти райончик с другой стороны.

И делаю это зря.

Потому что чтобы выйти к нашему общежитию, нужно пройти вдоль новой строящейся высотки. Там народу много, техника работает, но всё это за временным забором. И получается, мне нужно пройти достаточно длинный отрезок пути между задней стеной поликлиники, возле которой растёт много старых деревьев. За ними не особенно ухаживают, не обрезают. Тут много акаций, и они уже в некоторых местах превратились в колючие заросли. А с другой стороны забор стройки.

Тротуар тут узенький, но хоть какой-то всё же есть, и рядом неширокая дорога, с темными то тут, то там выбоинами, которые вряд ли вообще планируют латать.

Как и в любом городе, в Ростове есть места, которые кроме как изнанкой не назовёшь. Идёшь – красиво: улица, фонари, магазины с яркими цветными вывесками, там выпечка вкусно пахнет, там кафешка раскинулась с негромкой музыкой. А потом заходишь за угол и попадаешь в зазеркалье большого города. И хочется быстрее снова оказаться на лицевой стороне. Красивой и по ощущениям куда более безопасной.

Именно в таком месте я и иду сейчас, а негромкий звук шуршащего колёсами по асфальту автомобиля вызывает противное ощущение ползущего по спине холода.

Осторожно бросив взгляд через плечо, я понимаю, что мне не показалось. Чуть поодаль за мной крадётся тёмно-синяя иномарка. Если бы просто ехала – уже обогнала бы.

Сердце замирает и обрушивается куда-то вниз. В самые пятки. Горло пересыхает от страха, картинка перед глазами становится какой-то нечёткой.

Боже...

Метр за метром я иду, преодолеваю расстояние, не ощущая ног. Будто лопанного асфальта и вовсе не касаюсь.

Сорваться на бег? Только спровоцирую. А так, может, хоть кто-то попадётся на пути...

И тут... давлюсь воздухом, потому что на крик сейчас моё горло не способно – настолько напряжено.

В секунды узнаю машину, вдруг резко вынырнувшую из-за угла. Наверное, там какой-то проулок.

– Садись, Женя, – знакомый низкий голос бьёт по нервам тёплой волной.

Мне не нужно повторять дважды. Я быстро оббегаю капот и плюхаюсь на пассажирское рядом с Германом Васильевичем.

– Здравствуй, – собственный голос похож на писк.

– Здравствуй, – отвечает ровно и спокойно, что действует на меня как тёплый душ. – Я тут кое-что узнал о твоём Руслане. Думаю, тебе на какое-то время лучше остаться у меня.

11.

– Герман Васильевич, – вжимаюсь в кресло. Он помощь предлагает, защиту, а я чувствую себя неблагодарной. – Я не могу.

– Боишься?

– Нет! – почему-то именно мысль о страхе совершенно не пришла мне в голову, хотя вполне, казалось бы, логична. Но мне с ним не страшно. Ощущения какие-то другие, мне сложно их идентифицировать, но это точно не страх. – Просто... за жильё нужно платить, за комнату там... а у меня не сильно с финансами. Стипендия только. У бабушки я не беру деньги, у неё только пенсия. А вы живёте в хорошем районе, я не потяну.

Пока говорю, я вся начинаю краснеть и едва ли не заикаюсь. Он не перебивает, слушает молча, но уже к концу моего спича мне очень хочется залезть куда-то под сиденье.

– Не надо ничего платить, Женя.

Говорит спокойно и сдержанно, как и всегда, но у меня возникает ощущение, что для этой сдержанности ему сейчас приходится постараться.

– Я так не могу. Мне неудобно.

– Неудобно, когда дети на... кхм... спать на потолке.

– Давайте я буду хотя бы есть готовить, – скромно предлагаю, втянув голову в плечи. – И убираться.

– Про готовку – отличная идея, если будешь успевать, конечно. Тебе учиться нужно. Не откажусь. Ну в смысле, успеешь – готовь, не успеешь – не нужно. Это не обязательно.

Я киваю, и мы на какое-то время замолкаем. Едем, а я пытаюсь осознать, что Герман Васильевич только что снова спас меня. Защитил. А в то, что эта машина тащилась за мною не случайно, сомнений нет. Потому что едва я села в автомобиль Германа Васильевича, та иномарка сзади развернулась и уехала в обратном направлении.

А ещё я пытаюсь осознать, что теперь буду жить у него. И как объясню это Тане... Как скрою от бабушки? А вдруг ей позвонят из общежития?

Всё это кружит в голове, заставляя сомневаться в принятом решении. Но потом я вспоминаю холод страха за грудиной, сковывающий все внутренности, стоит едва только представить, что эти подонки могли сделать со мной. Вспоминаю, как ужас лизал пятки, когда бежала ночью по лесу, да и сейчас когда шла, а сзади эта машина...

Как вообще так получилось, что я влипла во всю эту историю? Я ведь хотела просто жить в городе, учиться, найти работу, со временем забрать бабушку. А в итоге боюсь даже по улице пройти и переезжаю жить ко взрослому мужчине, которого вижу во второй раз.

Мы заезжаем в общежитие, пока Герман Васильевич ждёт внизу, я собираю необходимые мне вещи в рюкзак, пакую швейную машинку и нужные инструменты. Всё это время думаю, как происходящее объяснить Тане.

А ещё очень надеюсь, что прямо сейчас ко мне не припрётся Светка. Та только услышит где-то по-соседству шум или возню, так сразу и бежит. Тазик, кстати, она мне так и не вернула.

– Я неделю поживу у родственников, – спустившись, вру комендантше, стараясь при этом не покраснеть. – Тётя пригласила – давно не виделись.

– Заявление заполнить не забудь, – подсовывает мне лист и образец.

Быстро заполнив, я подхватываю свои сумки и выбегаю. Сумка с швейной машинкой тяжёлая, едва удаётся дотащить до соседнего дома, где припарковался Герман Васильевич. При этом я его сама попросила ждать тут.

Он забрасывает мои пожитки в багажник, пока я усаживаюсь и пристёгиваюсь. Глубоко вдыхаю запах салона его машины. Пахнет кожей, мужской терпкой туалетной водой и слабо, почти выветрившимся кофе. Та же пахло и в ту ночь, когда он подобрал меня на дороге возле

посадки. Наверное, теперь этот запах будет ассоциироваться у меня с безопасностью, потому что даже сейчас, едва оказавшись в машине, я чувствую, что дышать становится легче.

– Это что у тебя там такое тяжёлое? – спрашивает, когда садится за руль.

– Швейная машинка. Вы же не против, что я взяла? Она мне для учёбы нужна, я буду убирать её, не будет мешаться.

– Обалдеть. Ты что её каждый день в технарь таскаешь?

– Нет, – усмехаюсь. – я работаю на ей в общежитии. В колледже нам предоставляют.

– Ясно.

Это «ясно» как точка. Сказал – поставил. И дальше мы едем молча, хотя лучше бы разговаривали. В тишине я ощущаю себя странно. Мне и волнительно, и страшно, и тревожно, и смущение накатывает.

Тревожно и страшно потому, что, думаю, не стал бы Герман Васильевич незнакомой девушке предлагать пожить у себя. Зачем ему лишняя головная боль и возможно неудобное соседство? Значит, узнал о Руслане что-то такое, совсем нехорошее.

От этих мыслей кожа мурашками ледяными покрывается и в животе как-то холодно становится.

– Вы сказали, что кое-что про Руслана узнали, – решаюсь спросить, потому что уровень моей тревоги начинает расти как тесто на дрожжах.

– Вечером. Сейчас кое-что ещё проверить хочу.

Меня такой ответ не особенно успокаивает, но настаивать я, конечно же, не решаюсь. Не в моей ситуации вообще права качать, ведь мне за заботу Германа Васильевича и отблагодарить нечем.

– Тебе агрегат твой швейный до вечера нужен? – спрашивает, проезжая за шлагбаум внутрь жилкомплекса.

– Нет, а что?

– Вечером закину, сейчас подниматься не буду. Держи ключи, – протягивает связку. – Двенадцатый этаж, квартира сто двадцать четыре. Располагайся, не стесняйся. Занимай спальню.

– А вы будете на диване? Неудобно как-то...

– Опять тебе неудобно, – качает головой, паркуясь. – Давай, Женя, топай. Машинку твою вечером закину. А про спальню не волнуйся, я-то и дома ночью нечасто.

Кивнув, я беру ключи, забираю рюкзак и сумку, которые он подаёт мне из багажника, и иду к дому. Поднимаюсь на лифте на нужный этаж. Странно чувствую себя, подойдя к двери, будто влезаю в чужой дом без разрешения.

Войдя в пустынную прихожую, осматриваюсь. Кажется, будто кто-то сейчас выйдет из кухни или гостиной и спросит, кто я такая и что здесь вообще забыла?

Но никто не выходит. Тут тихо и пусто. Я включаю свет в коридоре и осторожно прохожу, крадусь буквально.

Глупости. Он же сам меня позвал и сам привёз. Тогда почему я так веду себя?

Затаскиваю сумки в спальню и опускаюсь на кровать. Сердце стучит неровно. Нужно подумать, где я поставлю швейную машинку, куда сложу конспекты и вещи. Где можно повесить бельё, которое постираю так, чтобы не маячило на видном месте.

Может, я тут всего на пару дней, а может и дольше придётся задержаться.

Хочется скорее узнать, что же такого узнал Герман Васильевич о Руслане. Но это вечером... если он вообще приедет домой ночевать.

Сжимаю пальцами рукава кофты и только сейчас осознаю, откуда этот странный дискомфорт. Ну, кроме очевидного. Я... как бы это странно не звучало, но я не хочу, чтобы он не ночевал дома...

12.

Вещи свои я оставляю в сумке, которую засовываю под стол у кровати. Достая только домашние лосины и длинную футболку. Вроде бы вполне прилично.

Переодеваюсь, собираю волосы повыше. Всё хотела найти в городе хорошую парикмахерскую и сделать их короче. Но когда увидела цены у этих хороших парикмахерских, так уж сначала обалдела, а потом решила оставить как есть. Таня мне аккуратно кончики подстригла бритвенной машинкой да и всё на этом. Я их не стригла с самого детства, бабушка только ровняла немного, но это сильно не помогало, учитывая, что концы всё равно потом подворачивались.

Может потом кто подскажет неплохого парикмахера, что стрижёт не сильно дорого.

Кстати, насчёт Тани. Я звоню ей и говорю, что пока поживу у бабушкиной подруги некоторое время. Она болеет, и бабушка попросила присмотреть, может, помочь где нужно.

– О, ты не говорила, что у тебя родственники в городе.

– Нет, это бабушкина давняя подруга. Я недолго, может пару недель, пока не приедет её дочь.

Вру, и у самой аж язык печь начинает и ладони потеют. Не люблю я лгать, нехорошо это. Тем более подруге. Но сказать, что мой парень с толпой друзей хотел надо мной надругаться, а какой-то незнакомый взрослый мужчина спас, и теперь я поживу у него, я не решаюсь. Не по телефону точно. Может, завтра после пар в колледже пойдём в парк да поговорим.

Я пытаюсь готовиться к завтрашним занятиям, но голова шумит, вчитаться в лекцию просто не получается. То лезут мысли про Руслана, то про бабушку, то про Германа Васильевича, который, возможно, не приедет на ночь домой.

«Такая молодая, а нервы не в порядке» – сказала бы бабушка, наверное.

А они и правда не в порядке. Ни читать, ни сидеть не могу. По рукам до самых плеч мурашки бегут. Действительно, нервы не в порядке, что ли.

В таких случаях, когда я начинаю слишком сильно переживать, помогает поработать физически. Дома я обычно иду на огород, и после возни с растениями на свежем воздухе становится как-то легче. Огорода, конечно, нет у Германа Васильевича, да и просто пойти погулять я не решаюсь. Вдруг он отдал мне свои единственные ключи и теперь не сможет попасть в квартиру, если я уйду? Да и вообще, страшно мне как-то. Дома высоченные, улицы незнакомые, потеряюсь только так.

Зато у него в квартире есть кухня. И на ней я даже обнаруживаю разные продукты, чего не нашла в прошлый раз. Мясо, овощи, крупы появились. Основательно он закупились, похоже.

Изысков я готовить не умею, а вот простые блюда только так. Поэтому достаю всё необходимое для борща и приступаю. Пасту томатную, правда, не нахожу, но зато есть свежие помидоры, их и потру в заправку, ещё вкуснее будет.

К восьми вечера уже готов и борщ, и каша гречневая с мясом. Убираюсь в кухне, оставляю кастрюли на плите остывать и только собираюсь идти в спальню, конспект по экономической теории всё же нужно проштудировать, как слышу щелчок входной двери.

Понятно же, что это квартира Германа Васильевича, и он в ней живёт. Я прекрасно это осознаю. Но всё равно дёргаюсь от неожиданности, чувствую как по спине пробегает лёгкая дрожь. Замираю посреди прихожей, ожидая, пока он войдёт.

Герман Васильевич переступает порог, и пространства в прихожей становится как будто бы значительно меньше.

– Чем это так охренительно пахнет? – тянет носом. – Это что... борщ?

Он произносит это так, будто обыкновенный борщ – это для него нечто невиданное.

– Да. Вы не любите? – переминаюсь с ноги на ногу.

– Я уже забыл, какой он на вкус. А в кафе сколько раз не брал, говно какое-то.

Он такой прямолинейный, что это заставляет меня усмехнуться и немного расслабиться.

– Я не знаю, какой вам нравится, сварила, какой умею. Может, этот тоже покажется... невкусным.

– Ну это вряд ли, Женя, – Герман Васильевич устало стаскивает с плеч куртку и бросает её на вешалку. – В квартире запах такой, что слюной подавиться можно. Тут, знаешь ли, никогда вообще так не пахло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.